

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.512.145

doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.93-100

**ЭЛЕМЕНТЫ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА В ТЕКСТЕ
ПЕРЕВОДНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАЮМА НАСЫРИ
«АБУГАЛИСИНА КЫССАСЫ»**

Ф.Ф. Гилемшин

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, 420111, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются особенности использования элементов разговорного языка в переводном произведении татарского просветителя и ученого-этнографа Каюма Насыри «Абугалисина кыйссасы» («Абугалисина кыссасы», «Сказание об Абугалисине», «Абугалисина»). Отмечается, что для облегчения восприятия читателями литературного материала автор сочинения применил специальные приемы: так, в тексте переводы арабо-персидских словосочетаний чередуются с аналогичными по значению единицами на татарском языке: например, арабские и персидские слова используются в речи героев, в авторской же речи – их переводы на татарский язык. Кроме того, текст содержит много татарских народных пословиц и поговорок, сравнений и метафор, популярных в разговорном языке. Делается вывод о том, что эти приемы способствовали сближению языка художественного произведения с народно-разговорной формой татарского языка.

Ключевые слова: К. Насыри, «Абугалисина кыссасы», переводные произведения, дөхтәр, кыз, чапак, заимствования

Конец XIX – начало XX в. в истории татарского литературного языка – особый, переломный период. Начинает формироваться татарская нация и зарождается татарский литературный язык. Появляются новые жанры и активно развиваются различные стили, что приводит к расширению сферы употребления татарского языка.

На этом этапе начинают активно переводиться на татарский язык произведения восточной литературы. Среди них «Калила и Димна» (1889–1891) Ибн аль-Мукаффы и «Тутынаме» (1887) Зийа-ад Дина Нахшаби в переводе Габдулгалляма Фаизханова, «Лейли и Маджнун» Низами в переводе Махмута Максута, «Тысяча и одна ночь» в переводе Фатиха Халиди (1897–1899), «Эфсанаи Гульрух ва Камарджан» (1896), «Рассказ о сорока визирях» (1861), «Абугалисина кыссасы» (1872) в переводе Каюма Насыри и др.

Как отметил ученый-литературовед М. Гайнутдинов, «переводные произведения конца XIX – начала XX века... отличаются от произведений ранних этапов

большим количеством, художественным качеством и многообразием. Эта литература подробно не изучена»¹ [1, б. 255].

Высказывание ученого о необходимости исследовать материал и по сей день остается актуальным в отношении лингвистических особенностей переводов на татарский язык произведений литератур Востока, выполненных на стыке XIX и XX вв.

«...Очевидно, что проблема языка татарской прозы в конце XIX – начале XX веков была достаточно сложной: в то время как продолжали писать на традиционном, основанном на общетюркской канве классически авторитетном и народно-разговорном вариантах старотатарского языка, используя различную терминологию, характерную для различных жанровых стилей и в зависимости от адресата произведения, возникает подчинение (языка) выполнению художественной функции в целях донесения эстетической мысли писателя до воображения читателя» [2, б. 129].

Для выявления деталей этого процесса мы обратились к произведению татарского просветителя, ученого-этнографа и литератора Каюма Насыри «Абугалисина кыссасы».

Прототипом героя данного произведения является великий ученый, философ, юрист и врач Ибн Сина (980–1037). К. Насыри взял за основу сочинение турецкого писателя Зыяддина Саида Яхьи «Канджинаи хикмет», которое увидело свет в Египте в 1838 г. (1254 г. по хиджре), а затем было издано в Казани в 1864–1865 гг.

Сам Каюм Насыри объясняет заею с переводом в предисловии книги так: «Произведение “Абугалисина кыссасы” уже было издано в 1281 году благодаря одному из жителей Казани. Однако по причине обилия арабо-персидских заимствований некоторые люди не могли читать его, так как с трудом воспринимали содержание. Я давно намеревался перевести “Абугалисина кыссасы” на язык, доступный мусульманам Российской империи. Сейчас, доверившись Аллаху, я приступил к переводу» [3, б. 3].

К. Насыри неслучайно обратился к произведению «Абугалисина кыссасы». Оно было созвучно его просветительским взглядам, демократическим интересам, стремлению популяризировать научные идеи [4, б. 8]. Одним из первых среди своих современников он поднимает вопрос о необходимости сближения языка литературы и науки с татарским разговорным языком.

Сочинение К. Насыри состоит из введения, четырех глав и заключения. Введение книги под названием «Начало начал, или рассказ о рождении близнецов Абу аль-Хариса и Абу Али Сины и первые их приключения на нелегком пути к познанию мудрости» рассказывает о начальном этапе жизни братьев-близнецов. Первая глава повествует об Абу аль-Харисе и Багдадском халифе. Вторая глава – это рассказ об Абу Али Сине и правителе Египта. Третья глава посвящена Абу Али Сине и правителю Бухары, четвертая глава содержит рассказ об Абу Али Сине и правителе государства Кирман. В заключении говорится о смерти великого ученого и врача.

¹ Перевод здесь и далее наш. – Ф.Г.

Повествование начинается с того, как Абу Али Сина вместе с братом Абу аль-Харисом, получив благословение родителей, отправляется путешествовать по миру. Путь их приводит к городу, где находится некая пещера, в которой хранятся книги известного ученого Пифагора. Эта пещера открывается для посетителей лишь один раз в году. В течение трех часов разрешается читать книги, но выносить или переписывать их запрещено. Братья начинают подготовку к посещению пещеры: целый год они сушат еду впрок, запасаются маслом для ламп. Дождавшись открытия ворот, они вместе со всеми входят в пещеру, однако в положенное время не выходят наружу, а прячутся. Братья живут в пещере год, читают книги и получают сокровенные знания. Когда двери в пещеру открываются вновь, братья выходят и своим видом пугают народ, так как за время пребывания в пещере их волосы и бороды отросли, одежда стала грязной. Люди принимают их за колдунов и хотят убить, но братья, воспользовавшись полученными умениями, скрываются от озлобленной толпы.

Дальше их дороги расходятся: Абу Али Сина направляется в Египет, а его брат – в Багдад. В Египте Абу Али Сина использует приобретенные знания во благо: он облегчает труд простого труженика – продавца халвы, увеличивая тем самым его доход, даже помогает ему встретиться с возлюбленной. Абу Али Сина всегда творит добро и выступает за справедливость. Абу аль-Харис свои знания использует в корыстных целях, служит несправедливому правителю, из зависти даже пытается погубить брата, но терпит поражение и погибает.

Абу Али Сина строит в Самарканде огромное медресе, где в течение нескольких лет обучает шакирдов. В возрасте 70 лет он начинает задумываться о бренности жизни и никак не может смириться с неизбежностью смерти, а потому придумывает план и готовит все необходимое для своего воскрешения. Он объясняет ученику, что нужно сделать, однако ученик не справляется. Абу Али Сине не было суждено воскреснуть... Так заканчивается фантастическое произведение об известном ученом и враче.

Процитированное выше выражение К. Насыри: «...Перевести произведение... на язык, доступный...» означает пересказать его на том языке, на котором говорит народ, – живом разговорном языке татар. Для выполнения этой задачи литератор использует ряд приемов.

Первый прием состоит в том, что по ходу повествования автор дает пояснения к арабо-персидским словам на татарском языке: *Äbuälisinanyñ viladätenä, jäyni tuğanyna...* (Н., б. 3) / ‘С момента появления на свет, то есть рождения Абу Гали Сины...’; *...mäyribkä, jäyni iñ qojaş bajyşy tarafyna...* (Н., б. 4) / ‘...на запад, то есть в сторону заката солнца...’; *...wä däxi qyryqlab häjbät güzäl jegetlärdän deliklä, jäyni arqa uyuçylar...* (Н., б. 11) / ‘...а также около сорока превосходных красивых юношей-массажистов, то есть делающих массаж спины’; *...xälwäfruşlär, jäyni xälwä satuçylar uramyna...* (Н., б. 17) / ‘...на улицу продавцов сладостей, то есть торговцев сладостями...’.

Кроме того, он объясняет не только отдельные слова, но и целые образные выражения и словосочетания: *Ber jyl mäyarädä jatyb, çoli biabanğa biñzäleš, jäyni biçajnihi urmandaçy şüräle kebek bulyan ide* (Н., б. 17) / ‘Прожив целый год в пещере, они походили на степных привидений, иначе говоря, на шурале’; *Ämma mäxäbbät dārjasy qajnasa, bus wä dār äyuş wä badäji lä'lijni nuşidän, jäyni*

übeřmäk, qoçynmaqdan mäñeñ juqdyr (Н., б. 27) / ‘Если море любви начнет бушевать, будут поцелуи и объятия и рубиновое вино, то есть поцелуи и объятия не запрещаются’.

В тексте образные выражения «дублируются» на татарском соответствующими устойчивыми словосочетаниями или фразеологизмами татарской живой разговорной речи. Например, изображая наступление темноты, К. Насыри пишет: *Sajäd qara awyn qoryb, zamana qarçyju jözen qara šäl belän örtä bařlady* (Н., б. 19) / ‘Охотник зарядил свой черный капкан, старуха времен свое лицо прикрыла черной шалью’. Рассвет также представляет с помощью аллегории: *Töñge namazlygynda utyruçu qart tön xöğräsenñän çyryb, kük tiräseneñ mixrabyñ zinnätlägäç, jäñni tañ atyb kön jaqtyra bařlayaç...* (Н., б. 27) / ‘Когда старик, сидевший на ночном молитвенном коврике, вышел из комнаты ночи и разукрасил небесный алтарь, иными словами, когда наступил рассвет и стало светло...’. Или: *Altyn qanatly lifr qoşy kük jözendä oçyb, joldyz boydajlaryñ çuqyb tämam itkäç, jäñni kön jaqtyrylyb joldyzlar kürenmäş bulyaç, Äbuçalisina qyzny jänä atasy sarajyna künderde wä üze ziker täsbix belän mäşyul buldy* (Н., б. 30) / ‘Когда золотокрылая птица Лифр склевала звездные зернышки на небосводе, проще говоря, после того, как рассвело и звезды стали невидимы, Абу Гали Сина вновь отправил девушку домой, во дворец отца, и сам приступил к чтению молитвы’.

Суть второго приема заключается в том, что заимствованное слово не переводится, а сопровождается синонимом на татарском языке: *Ber güzäl döxtäre bar ide...; agar ul qyzny mömkin bulsa...* (Н., б. 11) / ‘У него была красивая дочь (döxtär)...; если можно было бы эту дочь (qyz)...’ – здесь автор вместе с заимствованным из персидского языка словом *döxtär* повторно использует его тюркский синоним *qyz* ‘дочь’. См. также: *Säba padişahynyñ qyzy da kileb kerde...; padişah dähi ul qyzğa näzären salyb kürde...; ul qyznyñ üzen küryäç...; oşbu qyzdan soramaq mömkin...; näwbät qyzğa qalyaç, qyz däxi üz tarafyñdan... äjtde: Säba padişahynyñ döxtäreñdän...* (Н., б. 11) / ‘Пришла и дочь Сабейского царя...; царь обратил свой взор на эту девушку и увидел...; когда он увидел саму девушку...; у этой девушки можно спросить...; когда очередь дошла до девушки, то девушка, со своей стороны... сказала: «Я из дочерей Сабейского царя...»’.

В главе, где речь идет о правителе Багдада, заимствованное слово *döxtär* ‘дочь’ встречается часто: *Niçä märtäbä döxtäreñne sorab birmädeñez* (Н., б. 13) / ‘Сколько раз я просил руки Вашей дочери, Вы отказывали’; *Döxtäreñne Baydad šähärenä kiterde* (Н., б. 14) / ‘Вашу дочь он привез в город Багдад’; *Döxtäreñne häm küresez...* (Н., б. 14) / ‘Увидите также свою дочь...’.

В авторской речи К. Насыри последовательно использует тюркское слово *qyz* ‘дочь’, намеренно в своем сочинении разделяя авторскую речь и речь персонажей. Например: *...ägar mömkin bulsa, döxtärneñ üze belän ber söjläşeb aña kürä çamäl qyjlyr idem, – dide. Qyznyñ atasy ämer itde, qyzny ber xälwät ğirgä kiterib xäzer itdelär* (Н., б. 33) / ‘Сказал: «Если возможно, я переговорил бы с самой девушкой и оказал бы воздействие на неё». Отец девушки приказал, и девушку привели в укромное место и подготовили её’.

В предложениях схожие по значению слова при помощи союза *wä* ‘и’ составляют синонимические ряды. Например, слово *büläk* ‘подарок’ и аналогичное ему по значению заимствованное из арабского языка слово *hädiñä* ‘подарок’

объединяются в синонимическую пару: ...*Säba padišahyna, wäzirlärenä yağäjäb wä yaräjäb hädijälär wä büläklär xäzer qyjldy* (Н., б. 10) / ‘...приготовил Сабейскому царю, его визирям удивительные подарки’. Или: *Äbuğalisina šul qadär ziräk wä ütken zihenle çapak bala ideki, täybir mömkin tügel...* (Н., б. 4) / ‘Абу Гали Сина был настолько проницательным, остроумным ребенком, бойким на язык, что уму непостижимо...’.

Значение слова *çapak* в толковом словаре татарского языка трактуется как ‘остроумно, красноречиво говорящий человек’ и подтверждается примером из произведения Г. Ибрагимова (ТТАС, б. 408). В этимологическом словаре татарского языка слово *çapak* имеет значение ‘находчивый, смыслённый, быстрый, оперативный’ и указывается как слово тюркского происхождения (ТТЭС, б. 410). В оренбургском говоре татарского языка значение этого слова – ‘талантливый, умелый, проницательный’ (ТТДС, б. 474), в мензелинском и стерлитамакском говорах – ‘бойкий на язык’ (ТТДС2, б. 345). В данном случае К. Насыри использует слово *çapak* именно в последнем значении и приводит его в сочетании с близкими по смыслу словами *ziräk* и *ütken zihenle*.

Но наряду с указанным в тексте произведения встречается также пример использования слова *çapak* для передачи значения ‘быстрый’: *çapak sävar, jañni eštafit puštasy belän, az zamanda ilçe Baydad šähärenä baryb jitde...* (Н., б. 31) / ‘Воспользовавшись самыми быстрыми лошадьми, точнее эстафетной почтой, за короткий промежуток времени посол доехал до города Багдада...’.

Каюм Насыри уделяет большое внимание крылатым словам, метким афоризмам, коротким выражениям, содержащим глубокий смысл, и использует их для критики житейских изъянов, имеющей целью развитие самосознания и повышение нравственного уровня читателя [5, б. 24]. В текст произведения автор умело вставляет татарские народные пословицы и поговорки, которые помогают ему сделать нравоучительный акцент в конце описания той или иной ситуации, подвести итог, указать на мораль: *Sandyqny açur qarasa, sandyqda çüp tä juq, ğirendä ğillär isä* (Н., б. 23) / ‘Открыл сундук и увидел, что в сундуке пусто, на дне ветер гуляет’; *Atam qolağyna išetelēb, xalyq arasynda faš bulsa, jaman isem kütärmägem mökärrärder. Qyzlar aty qyldan nečkä, qyldan töşde – buktan sasy digännär* (Н., б. 28) / ‘Если (эта весть) дойдет до отца и станет известно людям, то дурного имени не избежать. Говорят, что честь девушки тоньше волосинки, если упадет, то запах будет хуже навоза’; *Atasy bu nämäne alyb uquğaç, yañrätendän utqa kererlek bulyb...* (Н., б. 240) / ‘Прочитав это письмо, отец от злости готов был броситься в огонь...’; *Ämma šäkär dib ašağany, ağı kebek tojlyr ide* (Н., б. 240) / ‘Что бы он ни ел, все казалось ему отравой’; *Aхыр хөҗрәтнең еҗенә төтен тulyb, bik xafä qyjla bašladı. Küz açar xäl juq...* (Н., б. 258) / ‘Впоследствии помещение заполнилось дымом, и ему стало страшно. Глаза невозможно открыть...’; *Bändä xatasyz bulmas...* (Н., б. 47) / ‘Человеку присуще ошибаться...’; *Qyzny birmäk tügel, ködrätennän kilsä, tereläj totyb ašar ide* (Н., б. 49) / ‘Не только не отдал бы девушку (замуж за него), а проглотил бы его заживо, если бы это было в его силах’; *Üzegez beläsez, ilçegä ülem juq, digännär* (Н., б. 50) / ‘Сами знаете, говорят, что послу смерти нет’; *Qaqta keşe qarqasyn, qaqarlar üz qarqañny, dimešlär, – dib qyjssany añladı* (Н., б. 55) / ‘Он понял содержание рассказа так: говорят: (букв.) не стучи в чужие ворота, постучат и в твои ворота (то есть если

обратишься к кому-либо с просьбой, придут к тебе с ответной)»; *Ülüçeneñ köne ğitmäsä üterüçeneñ quly ğitmäs digännär* (Н., б. 73) / 'Говорят: пока не наступит день смерти, рука убийцы не дотянется'; *Äbuğalisina belde ki, qyzny birmäk tügel, mötkin bulsa qanun eçär ide* (Н., б. 294) / 'Абу Гали Сина знал о том, что он не только не хотел выдать девушку (замуж за него), а (букв.) готов был кровь его выпить (то есть погубил бы его)'; *I şahym, xatynnar süzen padişahlar mäglesendä söjläştäk çajepter. Alarnuñ saçu ozun, çaqyly qysqadyr* (Н., б. 300) / 'Не надо женские сплетни повторять при царском дворце. (Букв.) У них (женщин) волосы длинные, а ум короткий'.

Образные сравнения, свойственные татарскому литературному языку, также усиливают воздействие на читателя описываемых событий и происшествий: *Küz quryjy belän ber genä märtäbä qarab kürde ki, tulıyan aj kebek nurly jöze kiçlärdä aju, köndezlärdä qojaşqa ixtijağ qaldyrmas* (Н., б. 28) / 'Краем глаза он заметил, что ее светлое, как полная луна, лицо заменит ночью луну, а днем солнце'; *At qojruğuna katqan bozlar şikelle, saqallary şaltyrap, uramnarda oçrayan xalyq köleşeb, artlarynнан ijäreb baralar* (Н., б. 28) / 'Подобно примерзшим лошадиным хвостам, их бороды звенели, тем самым вызывая смех у прохожих на улице, которые долго следовали за ними'; *Wä küzenä jäş görläwek, wä bu mixnät utynnan ötelgän tawuq bulyp ber ah çikte* (Н., б. 273) / 'Из его глаз ручьем (текли) слезы, он охал, словно опаленная огнем страданий курица'; *Şul qadär küb wä härbere maçu qadär, ere baqalar* (Н., б. 294) / 'Очень много лягушек, и каждая ростом с кошку'; *Tañ kebek tulqynnar qalyqmyş...* (Н., б. 317) / 'Словно заря, появились волны...'; *Jöz atlylar wä ber görux saççylar qarşy kileb, küz küreme qadär kiñ ber mäjdannan kiçeb ber oluğ diwan ğirenä kiterdelär* (Н., б. 317) / 'Их встретили сто конных и группа пеших воинов, проводили к зданию крупной канцелярии, отстоявшей на расстояние, которое с трудом можно было охватить взором'.

Таким образом, при переводе произведения «Абугалисина кыссасы» с османско-турецкого на татарский язык, Каюм Насыри использовал несколько действенных приемов, чтобы сделать более легким восприятие литературного материала читателем: перевод словосочетаний на родной язык; чередование их со схожими по значению татарскими словами; авторские пояснения. Он успешно вставлял в текст татарские народные пословицы и поговорки, а также образные сравнения, художественные метафоры, широко распространенные в народно-разговорном языке. Применение описанных выше приемов не только позволило облегчить восприятие текста, но и усилило выразительность языка и эмоциональное воздействие сюжета на читателя.

Источники

- Н. – *Насыри Каюм. Абугалисина кыйссасы*. – Казан, 1894. – 112 б.
 ТТАС – *Татар теленең аңлатмалы сүзлеге*: 3 т. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1981. – Т. 3. – 832 б.
 ТТЭС – *Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге*: 2 т. – Казан: Мәгариф-Вақыт, 2015. – Т. 2. – 567 б.
 ТТДС – *Татар теленең диалектологик сүзлеге*. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1969. – 643 б.
 ТТДС2 – *Татар теленең диалектологик сүзлеге*. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. – 458 б.

Литература

1. Татар әдәбияты тарихы: 6 томда. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1985. – Т. 2. – 574 б.
2. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы): 3 т. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – Т. 1. – 696 б.
3. Татар әдәбияты тарихы: 8 т. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2015. – Т. 3. – 551 б.
4. *Бәширова И.Б.* Татар әдәби теле тарихы: XIX гасыр ахыры – XX йөз башы. – Казан: КДТУ нәшр., 1999. – 579 б.
5. *Бәширов Ф.К.* XX йөз башы татар прозасы. – Казан: Фикер, 2002. – 287 б.

Поступила в редакцию
14.01.2021

Гилемшин Флер Фоатович, кандидат филологических наук, научный сотрудник

Академия наук Республики Татарстан
ул. Баумана, д. 20, г. Казань, 420111, Россия
E-mail: *Fler.Gilemshin@yandex.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2021, vol. 163, no. 1, pp. 93–100

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.93-100

**Colloquial Language Elements in the Translated Version
of Kayum Nasiri's "Abugalisina Kyssasy"**

F.F. Gilemshin

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, 420111 Russia
E-mail: *Fler.Gilemshin@yandex.ru*

Received January 14, 2021

Abstract

This study explores how elements of the colloquial language are used in "Abugalisina kyssasy" ('The Legend of Abugalisina', 'Abugalisina') by Kayum Nasyri, a famous Tatar enlightener and ethnographer. To make it easier for his readers to understand the literary material, K. Nasyri used a number of effective techniques. Firstly, he defined all Arab-Persian words using the Tatar language: individual words, as well as figurative expressions and phrases were explained; he "duplicated" them with set phrases or phraseological units having a similar meaning in the Tatar colloquial language. The loanwords were both translated and followed by a synonym in the Tatar language: the Arab and Persian words are found in the characters' speech, while the author's speech provides their translations into the Tatar language. K. Nasyri skillfully inserts Tatar folk proverbs and sayings, figurative comparisons, and artistic metaphors into the text, thereby emphasizing particular places and strengthening the impact of the described events on the reader. All the above-described techniques contribute to the convergence of the language of K. Nasyri's work with the folk and colloquial form of the Tatar language.

Keywords: K. Nasyri, "Abugalisina kyssasy", translated works, dukhtur, kyz, chapak, loanwords

References

1. *History of the Tatar Literature*. Vol. 2. Kazan, Tatar. Kit. Nashr., 1985. 574 p. (In Tatar)
 2. *History of the Tatar Literary Language (13th–Early 20th Centuries)*. Vol. 1. Kazan, TAHSI, 2015. 696 p. (In Tatar)
 3. *History of the Tatar Literature*. Vol. 3. Kazan, Tatar. Kit. Nashr., 2015. 551 p. (In Tatar)
 4. Bashirova I.B. *History of the Tatar Literary Language: Late 19th–Early 20th Centuries*. Kazan, KDTU Nashr., 1999. 579 p. (In Tatar)
 5. Bashirov F.K. *Tatar Prose of the Early 20th Century*. Kazan, Fiker, 2002. 287 p. (In Tatar)
-

⟨ **Для цитирования:** Гилемшин Ф.Ф. Элементы разговорного языка в тексте переводного произведения Каюма Насыри «Абугалисина кыссасы» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 1. – С. 93–100. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.93-100. ⟩

⟨ **For citation:** Gilemshin F.F. Colloquial language elements in the translated version of Kayum Nasiri's "Abugalisina kyssasy". *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 1, pp. 93–100. doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.93-100. (In Russian) ⟩